

С УДЬБЕ было угодно распорядиться так, чтобы одна из первых ролей Хадиши Букеевой на сцене Казахского академического театра — Катарина из «Укрощения строптивой» — сразу же выдвинула молодую актрису в первые ряды мастеров сценического искусства республики.

Произошло это в 1943 году, но можно с уверенностью сказать, что роль Катарины прошла через всю творческую жизнь актрисы, наполненную напряженной и целеустремленной работой. Шли годы. Одни роли сменялись другими. Росла зрительская любовь к актрисе, углублялось и совершенствовалось ее профессиональное мастерство. Рядом вырастали и набирали силу ее ученики. А Хадиша Букеева продолжала неугомонно трудиться над каждой новой ролью, безраздельно отдавая свое актерскому призванию.

Лучше всех свою творческую программу сформулировала сама актриса. Она писала в 1984 году: «Есть только один путь преодоления всех неприятностей и неудач — работа, работа и еще раз работа... Только труд приводит к успеху, к тем просветленным минутам творческого озарения, когда ты чувствуешь свою власть над сидящим в зале зрителем, когда ты учишь его любить и ненавидеть. Ради таких минут мы живем, мучаемся, работаем».

Таких неповторимых и незабываемых мгновений было немало в творческой жизни Хадиши Букеевой. Сегодня на расстоянии прошедших лет особенно зримо просматривается выдающаяся заслуга актрисы в утверждении на казахской сцене подлинного героя современности. Уже сама творческая индивидуальность Букеевой, которой всегда были близки характеры цельные и героические, определила направление ее работы над образами современных пьес. Своим искусством она утверждала мысль о высокой гражданской миссии женщины. Актриса создавала характеры, способные противостоять порывам страстей ради одержимости большой идеей, ради стремления к поставленной высокой цели. Она защищала право женщины быть активной строительницей новой жизни и своей собственной судьбы. Актриса всегда помнила о многовековом бесправии соотечественниц и боролась своим искусством за свободного, сильного, независимого человека. Это придавало ее образам современное, даже злободневное звучание.

И нет ничего удивительного, что лучшие сценические создания Букеевой в современном казахском репертуаре оказались в центре напряженного зрительского интереса и общественных споров. В 1947 году актриса сыграла молодого инженера Сауле в пьесе А. Абисшева «Дружба и любовь». Эта роль принесла огромную популярность и любовь зрителя, который шел «смотреть Букееву» в этом спектакле. О ее Сауле в те годы много говорили и спорили в студенческих общежитиях, в учреждениях и на предприятиях города. Искусство актрисы учило жить молодежь, воспитывало в ней высокие нравственные идеалы.

Не менее крупной актерской победой стала роль Сауле в одноименной пьесе Т. Ахтанова. И опять образ, созданный актрисой, привлек к себе пристальное внимание общественности, вызвал жаркие споры, оказался не по вкусу некоторым ревнителям патриархальной старины и привычных

представлений. И опять актриса была последовательна и непримирима в отстаивании своей гражданской темы. Не случайно героиня спектакля «Сауле» воспринималась многими зрителями начала 60-х годов не просто как факт литературной и театральной жизни, а как закономерное проявление и воплощение важнейших об-

РАДИ ТАКИХ МИНУТ

К 40-летию творческой деятельности народной артистки СССР, лауреата Государственной премии СССР Хадиши Букеевой.

шественных сдвигов в сознании современного советского человека. Эта настроенность актрисы на самую высокую волну социальной и нравственной проблематики своего времени и делает ее непревзойденной исполнительницей ролей современного репертуара.

Крупнейшие победы одержаны актрисой не только в казахских пьесах, но и в работе над произведениями многонациональной драматургии. Здесь и Аника («Блудный сын» Э. Раннета), и Наталья Ковшик («Калиновая роща» А. Корнейчука), и Варвара («Любовь на рассвете» Я. Галана), и вьетнамская мать («Звезда Вьетнама» И. Куприянова), и многие, многие другие.

Сила постижения актрисой таких разных характеров кажется поразительной, трудно объяснимой. Безупречный художественный вкус Букеевой и ее высокая требовательность к себе исключает даже малейшее злоупотребление фресками и беспроигрышными, но поверхностными и приблизительными красками «национальной» характеристики. Актриса предельно скупа и в то же

время точна в отборе неповторимо характерных деталей. Может даже показаться, что она вообще ничего не делает для «национальной окраски» сценических образов. Но тем удивительнее, что каждый раз зритель безошибочно узнает истоки Анны, сельскую учительницу из Галиции Варвару, украинскую колхозницу Наталью Ковшик или современную американку из «Четвертого» К. Симонова...

Учеба Букеевой у таких замечательных педагогов, как Л. Вивьен, В. Меркурьев, И. Мейерхольд, многое определила в ее творческом методе.

Глубокое, серьезное знание быта эпохи, в которой живут ее героини, внимание к самым разнообразным деталям исторической атмосферы, в которой происходит действие пьесы, стало для актрисы обязательным и животворным источником, питающим сложный процесс работы над сценическим образом. В этом она следовала и за искусством прославленных «стариков» казахского театра. Но ей было уже значительно легче. Полученные в Ленинградском театральном институте знания помогли ей в работе над самым разнообразным драматургическим материалом.

Но кого бы ни играла Хадиша Букеева, с какими бы сложнейшими образами мирового репертуара ни знакомила своего зрителя, она всегда остается актрисой казахского театра. Внимательный взгляд без труда обнаружит нераз-

стокости своих соотечественников. И если в первом спектакле Хадиша Букеева расширяла и углубляла лежащий в этом образе конфликт между долгом и страстью, осящая его стихийной тягой к высокой человеческой солидарности и благородству, то в спектакле А. Мамбетова актриса вновь прорывается к серьезной нравственной проблематике, в строго очерченных рамках нового постановочного замысла.

Незримые, но прочные нити связывают роль Карлыги с ролью Катерины в «Грозе», сыгранной в 1950 году. И не только потому, что в основе этих характеров актриса увидела нестигаемое мужество женских сердец, но и потому, что к классической роли русской драматургии она шла от этических и эстетических идеалов художественной культуры своего народа.

В сегодняшнем репертуаре Букеевой мы встречаем самые разноплановые роли. Каждой отдаются все силы и талант, но, конечно, есть и особенно любимые. Среди них — роль Крупской в спектакле «Ленин в 1918 году», не роль, а крохотный эпизод, для которого потребовалось изучить, прочесть и освоить огромный исторический материал.

В репертуаре Хадиши Букеевой особое место занимает образ Кунеек из спектакля «Козы-Корпеш и Баян-Слу», который явился едва ли не самым совершенным сценическим созданием актрисы 70-х годов. Освободив роль Кунеек от психологических полутонув и недосказанностей, актриса последовательно и неуклонно следует к трагической развязке спектакля.

А в современной психологической драме Ч. Айтматова и К. Мухамеджанова «Встреча на Коктобе» («Восхождение на Фудзияму») Хадиша Букеева играет с неторопливой психологической подробностью. Для ее Айши главным становится тревожное осознание своей собственной вины во всем, что произошло с ее учениками. Она обвиняет себя и за то, что не вмешалась, не защитила, не оградила Сабура от беды, что-то упустила в воспитании молодых друзей, что-то просмотрела в формировании их нравственного облика.

Блистательная работа Х. Букеевой в «Ричарде III» Шекспира — она играет роль королевы Маргариты, — созданная в канун 40-летия творческой деятельности актрисы, вновь подтвердила неуязвимость таланта и отточенность мастерства замечательной деятельницы национального искусства.

Репертуарный диапазон актрисы огромен — трагедия, комедия, романтическая драма, современная психологическая пьеса... И в каждом ее сценическом создании (а здесь сказано далеко не обо всех значительных ролях актрисы) звучит неповторимая «букеевская» интонация, ее интерес к определенным жизненным проблемам, утверждается нравственная стойкость и высокая героика советской женщины.

Л. БОГАТЕНКОВА,
кандидат искусствоведения.